

К КРИТИКЕ НЕЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. И. Жук

Институт философии НАН Беларуси
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь
zhuke93@gmail.com

Аннотация. Данный доклад предполагает критический взгляд на городское пространство с опорой на феноменологическое понимание экзистенции, включая наработки французских мыслителей Мишеля де Серто и Гастона Башляра в области их исследования повседневных практик и поэтики пространства соответственно. С отсылкой к критике культуры письма и к высвобождающему потенциалу поэтической речи, проводится апология ценностно-нагруженного индивидуализирующего пространства, связующего воображение, память, и открытость Другому.

Ключевые слова: *город; пространство; место; воображение; память; Башляр; Серто.*

TOWARDS THE CRITIQUE OF SPACE OF NONHUMAN DIMENSION

K. I. Zhuk

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus
1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus
zhuke93@gmail.com

Abstract. This report provides a critical look at urban based on a phenomenological understanding of existence, including the findings of French thinkers Michel de Certeau and Gaston Bachelard in the field of their research on everyday practices and the poetics of space accordingly. Referring to criticism of the culture of writing and to the liberating potential of poetic speech, there is an apology of value-laden individualizing space connecting imagination, memory, and openness to the Other.

Keywords: *city; space; place; imagination; memory; Bachelard; Certeau.*

Рассматривая человека как существо, заброшенное в мир природы и мир культуры, понимающее и ищущее ответного понимания, феноменологическая философия как бы «заземляет» философское вопрошание и переводит вопросы о бытии, мышлении, Я в плоскость рассуждения о доме, вещи, диалоге и т. д. Возможные горизонты понимания прежде всего обусловлены горизонтом живого человеческого опыта, и, как

отмечает Гастон Башляр, «в нашей взрослой жизни так недостает первичных благ, в ней настолько ослабли антропокосмические связи, что мы уже не чувствуем их первичной укорененности в домашней вселенной. Достаточно много философов, которые абстрактно «строят мир», обретают вселенную в диалектическом противопоставлении Я и не-Я. Они-то как раз знают вселенную прежде, нежели дом, горизонт – прежде, чем кров. Напротив, подлинные истоки образов, при их феноменологическом исследовании, конкретно обозначат для нас ценности обитаемого пространства – не-Я, охраняющего Я» [1, с. 26]. «Рукотворное» городское пространство также несет на себе отпечаток фундаментальных потребностей человека – как существа не только природного, но культурного, – и, тем не менее, конкретные результаты человеческой деятельности (например, в публичном пространстве города) могут быть подвергнуты критике с точки зрения их влияния на фундаментальную реализацию экзистенции в сферах смыслополагания и понимания, поступания и ответственности.

Как специфика человеческого созидания и восприятия пространства, так и угнетающая нечеловекообразность отдельных его участков обусловлены, разумеется, амбивалентностью человеческой природы и сложностью механизмов конструирования социального бытия. Башляр красиво пишет об этом в разделе «Диалектика внешнего и внутреннего»: «Бытие человека есть бытие не фиксированное. Любое выражение нарушает его фиксацию. <...> А если речь идет об определении бытия человека, у нас не может быть уверенности в том, что мы приблизимся к себе, «углубляясь» в себя, двигаясь к центру спирали; часто как раз в сердцевине бытия бытие есть блуждание. Иногда будучи именно вне себя, бытие получает опыт прочности» [1, с. 183–184]. Признавая за человеком уникальность места-в-бытии, невозможно, тем не менее, представить его внесистемное существование; осознание собственной конечности приводит к стремлению увязать себя с «большим временем» (М. М. Бахтин), а стратегический диктат социального предполагает необходимость выживания в границах повседневности (М. де Серто). Очевидно, в таком случае, что и конкретные человеческие практики обладают закрепощающим или же высвобождающим характером, стандартизирующим или индивидуализирующим, монологизирующим или диалогизирующим потенциалом – так же и обживаемое людьми пространство может созидаться и восприниматься как (не)человекообразное, в зависимости от того, насколько взаимоотношение с ним становится осмысленным и ценностно-нагруженным для множества человеческих личностей.

Поскольку человек находит себя в языке и поскольку нам современна культура «письменной власти» (М. де Серто), все может быть прочитано как

текст. Во многом по аналогии с практикой письма выстраивается и публичное городское пространство, чем обусловлен его стандартизированный характер и наращивание мест, утративших характеристику человекообразности. Если же, вслед за Мишелем де Серто и иными представителями феноменологии языка, признать за языком не только упорядочивающую функцию и системный характер, но его творческую силу и высвобождающий потенциал, необходимо указать и на то, что именно живая практика речи – т. е. именно тот модус языковой способности, который отмечен индивидуальностью, конкретностью, направленностью к Другому – несет в себе возможности творческого понимания и диалогического взаимодействия, приоткрывая недискурсивные истоки языка. И прежде всего недискурсивному пласту мы обязаны «раскрывающей» способностью языка. Те значимые – пусть даже на индивидуальном уровне – откровения, которые «провоцируют» воображение и мысль, в конечном счете, формируют привязанность, поскольку *связывают* уникальное, но конечное человеческое существо с определенными островками смысла. Точно так же, однако, как язык обладает способностью заставить «забыть о себе» [2, с. 509] в процессе мышления (М. Мерло-Понти), стандартизированное нечелокообразное пространство (в качестве примера которого можно привести практически любой торговый центр, раздутый в объеме, безликий и неуютный, несмотря на кажущееся разнообразие фудкорта, но, в то же время, перегруженный информацией) с успехом выполняет заложенные в него системные функции (скажем, перераспределения материальных ресурсов), но не становится для человека ценностью. В отличие от мест и практик, отмеченных индивидуальностью, не становится оно также и «мостом», выводящим человека на уровень творческого созидания смыслов. Если продолжить лингвистическое сравнение, уникальные, человекообразные места в публичном городском пространстве не являются необходимыми с точки зрения простого функционирования социума, как стихи необязательны для общения с медперсоналом, но, как язык поэзии, такие места необходимы человеку как «прививка» от расчеловечивания: «поэтическое слово, не будучи жизненной необходимостью, наделено тем не менее животворной силой. Без полновесного слова жизнь не полна. Поэтический образ прорывает поверхность языка, он всегда приподнят над уровнем осмысленной речи. Переживание поэзии тем самым дает нам спасительный опыт прорыва. Конечно, речь идет о прорыве небольшой значимости. Но эти всплески возобновляются; поэзия приводит язык в состояние бурления. В нем проявляется энергия живой жизни. Языковой всплеск, прорывающий

плоскость обычного прагматического языка, воплощает жизненный порыв в миниатюре» [1, с. 15].

Такие публичные места, как *всякий другой* торговый центр, легко «прочитываются» городским обывателем, однако не несут в себе ни индивидуальности, ни отпечатка традиции, т. е. по сути они не запоминаются. Они задают стандартизированные способы поведения, мышления, коммуникации – и, фактически, поддерживают в человеке страх нового и восприятие Другого как Чужого. Любая международная сеть общественного питания – это общедоступное и общеизвестное, *будто бы* узнаваемое пространство; однако это вовсе не то место, где можно действительно что-то *узнать*, проявив хоть какое-то усилие понимания, будь то готовность поговорить с официантом или местными завсегдатаями или открытость к тому, чтобы попробовать блюдо национальной кухни из меню на непонятном языке, т. е. проявить любопытство в хорошем смысле, а именно, искреннюю заинтересованность. В 1961 г. великолепно точный в слове Ноэл Кауард написал саркастичную песню «Почему не те люди отправляются в путешествия?» (*Why do the wrong people travel?*). И если критика Кауарда была направлена против не заинтересованного, а значит, *не запоминающего* субъекта, проблема нечеловекообразных функциональных пространств заключается как раз в том, что они *не запоминаются*: перед ними даже не ставится такая цель, поскольку предполагается что люди будут возвращать туда снова и снова исходя из привычки и достаточного удобства – что вполне резонно с точки зрения соображений коммерции, но не в плане подлинной заботы о человеке.

В свою очередь, именно такое пространство, которое наполнено традициями, которое «провоцирует» практики памяти представляется необходимым для человека (в его заброшенности в мир), поскольку, как очень четко формулирует Серто, «память – это чувство Другого» [3, с. 179]. «Закрепление» в большом, историческом, времени может происходить также и на базе пространственного измерения: «иногда мы думаем, будто познаем себя во времени, тогда как мы знаем лишь последовательность фиксаций в некоторых пространствах стабильности нашего существа, которое противится текучести бытия и, даже отправляясь в прошлое на поиски утраченного времени, хочет «остановить» его бег. Во множестве своих сот пространство содержит сжатое время. Для того оно и предназначено» [1, с. 29]. Благодаря уникальности места в хронотоп собственного существования вплетаются значимые (для человека, его семьи, или для всех горожан и т. д.) хронотопы города: например, молодой человек, пишущий стихи под тем же деревом или за тем же столиком, где сотню лет назад так же сидел какой-то кумир-классик, обретает иную оптику – иные источники

вдохновения, иной горизонт возможностей. Здесь память действительно сходится с воображением, что инспирирует, как представляется, живую практику заботы: «у подлинного блаженства есть прошлое. Некое прошлое целиком поселяется – в виде грезы – в новом доме. <...> И греза уходит в глубину, где мечтателю, грезящему об очаге, открывается область, лежащая за пределами самого раннего пласта памяти, - область незапамятного. <...> В той далекой области память и воображение неразделимы, их работа направлена на взаимоуглубление. В плане ценностей ими формируется единство воспоминания и образа. Стало быть, мы не просто живем в доме, где изо дня в день разворачивается наша история, сюжет нашей биографии. Благодаря мечте разные дома нашей жизни становятся взаимопроницаемыми и хранят сокровища прежних дней» [1, с. 27]. Причем, такой опыт должен именно «проживаться»: скажем, для городской истории правильно, что образцы хорошо известной минчанам настенной плитки-«чешуи» из магазина «Океан» были переданы в Музей истории города Минска – однако после произведенного «ребрендинга» вряд ли стоит надеяться на ностальгическое узнавание этого места будущими поколениями горожан. Память в данном случае – не проживаемая практика, а словно бы приколотое булавкой к бумаге омертвевшее воспоминание, или, в лучшем случае, профессиональная забота лингвиста о сохранности артефактов, свидетельствующих о былой жизни «мертвого языка». Новинки же хороши именно тогда, когда есть возможность подлинных инноваций, в противном случае, раз за разом вызывая легкое разочарование, они превращают пресыщение в апатию и скуку. Место с оригинальной концепцией не обязательно должно пестрить множеством смыслов, «фишек» и «наворотов» – скорее, кажется, что оно должно последовательно следовать заявленной концепции, обозначая становление новой городской традиции. В свою очередь, можно заметить, что своего рода постмодернистская игра совершенно новых заведений с традициями (даже практически утраченными), которые населяют их хронотоп, часто не только вызывают интерес приезжих, но встречают понимание и энтузиазм местных, привязанных к месту, в их глазах нагруженному ценностью и смыслом. Соответственно, все вышесказанное вовсе не означает, что человекообразное, вдохновляющее взаимоотношение с пространством, возможно только в тех городах, которые буквально «дышат историей». Человек в любой точке земного шара проявляет воображение, формирует привязанности и, в конечном итоге, ищет и находит точки приложения заботы.

Таким образом, стандартизация пространства, вроде бы, упрощает быструю ориентацию и, значит, выживание в повседневной жизни, однако не облегчает «обживание» этого мира человеку, заброшенному и затерянному в

нем — т. е. остается нечеловекообразной, поскольку игнорирует фундаментальность человеческих потребностей в созидании смысла, а значит в узнавании нового и усилии понимания, в «подпитке» воображения: «не только мысль и опыт утверждают человеческие ценности. Мечте принадлежат ценности, печать которых особенно глубока в душе человека. Воображение обладает еще и преимуществом самооценности. Оно непосредственно наслаждается собственным бытием. И место, где мы жили воображением, самовозрождается в новой грезе. Воспоминания о прежних жилищах вновь переживаются нами как грезы, и именно поэтому дома прошлого бессмертны в нашей душе» [1, с. 27]. Не приносит такое пространство также и чувства защищенности, игнорируя возможность стать «вторым домом», а ведь, согласно Башляру, «любое поистине обитаемое пространство несет в себе сущность понятия дома» [1, с. 26]. Забавной иллюстрацией здесь может послужить небезызвестное вступление к фильму «Ирония судьбы», где саркастически демонстрируется как полностью лишённые индивидуальности пространства якобы позволяют советскому гражданину в любом городе ощутить себя «как дома», на самом деле начисто лишая его ориентиров, узнавания и, значит, привязанности к конкретному месту. Представляется, что именно индивидуализируемое, «обживаемое» пространство позволяет человеку «освоиться» в определенном сегменте мира и, в хайдеггерианских терминах, превратить преследующую его «озабоченность» в полноценную осмысленную практику «заботы». Причем, забота эта, во-первых, возможна и необходима не только по отношению к себе как к личности или к другому человеку, но к городу, дому, и даже конкретной вещи: «внеся в машинальный жест ясность сознания, соединив протираание старой мебели с занятиями феноменологией, мы почувствуем, что милую домашнюю привычку обогащают новые впечатления. Сознание все омолаживает. Самым привычным действиям оно придает значение начала. Оно властвует над памятью. Что за чудо — вновь сделаться подлинным автором машинального действия!» [1, с. 71]. И во-вторых, город, с которым у Я также выстраиваются смыслово- и ценностно-нагруженные отношения, может восприниматься как подлинный Другой в не меньшей степени, чем любой иной собеседник.

Библиографические ссылки

1. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
3. Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.